

Семья Чжан изначально не была богатой семьёй. Те деньги, что простой чиновник смог накопить за годы службы, ушли на пышную женитьбу сына, и естественно, на какое-то время пришлось ужать пояса. Но Чжан Чжэнцин всё же был начальником округа, и хотя до крайней бедности не доходил, несколько дней подряд раздавать в Ванду кашу и творить милостыню — всё это требовало средств. Со стороны это выглядело как репутация великого благодетеля, но если бы кто-то внимательный копнул глубже, то обнаружил бы, что это не совсем нормально.

Язык у Чжан Чжэнцина заплетался, губы беззвучно шевелились, и он долго не мог вымолвить ни слова. Прежде все заслуги присвоил себе он, а теперь, если вытащить на свет божий чужие имена, да ещё при наследном принце — это же будет прямое лицемерие и обман государя!

Пока он метался в поисках подходящих слов, Лу Це, казалось, тоже не торопился. Наблюдая, как лицо Чжан Чжэнцина то краснеет, то зеленеет, что вполне соответствовало его имени, он лишь развлекался этим зрелищем.

Глаза-персики Лу Це под светом ламп излучали нежную негу. Фу Чэнцы смотрел, слегка отрешённо, и приложил палец к внешнему уголку его глаза.

Жар от подушечки пальца заставил Лу Це инстинктивно отклониться назад. Палец Фу Чэнцы замер на месте, но тот не смутился, а лишь усмехнулся:

— Поменьше пей вина.

Лу Це сухо кашлянул, взял в руки маленькую чашечку и отвернулся. По привычке он хотел сделать глоток, но губы, коснувшись прохладной поверхности жидкости, снова замерли. В конце концов он лишь слегка облизнул с губ остатки винного вкуса и больше к напитку не прикасался.

Думая о двусмысленных словах Фу Чэнцы, он понял, что сегодня вечером, наверное, и правда захмелел.

Ветер снаружи временами врывается внутрь, смешиваясь с лунным светом, неся прохладу осенней стужи. Охладив горячий пот, выступивший от испуга на Чжан Чжэнцине, тот, кажется, наконец обрёл рассудок.

— Ваша светлость шутите, — сказал он. — Деньги на помощь беженцам — это не только мои личные средства. Родня семьи Чжан, естественно, тоже внесла свою лепту.

Одной неоднозначной фразой он переложил всё на родичей. В конце концов, все они носят фамилию Чжан, так что предыдущие его слова нельзя считать ошибкой. Действительно, посторонние не участвовали. Если все Чжаны скинулись вместе, разве это можно считать участием других? Все они Чжаны — конечно же, нет.

Лу Це не стал ему перечить, лишь улыбался:

— Вот как, понимаю.

Его слова повисли в воздухе, полные невысказанного смысла.

Чжан Чжэнцин нервно рассмеялся, пытаясь свернуть тему.

Лу Це не стал больше донимать его. Всё-таки, сытый гость менее привередлив, да и находился он на чужой территории. Столь явные вопросы лучше не торопить, всё должно идти своим

чередом.

Сменив тему, Чжан Чжэнцин заметно расслабился и стал уделять Лу Це ещё больше внимания, чем даже Лу Юю, приложив все двенадцать тысяч процентов сил.

Затем они немного поговорили о текущем положении в Цзяннани. В конце концов, в этот вечер все договорились обсуждать лишь ветер и луну, а не государственные дела, поэтому в оценках и суждениях стали куда менее сдержанными.

После пира Чжан Чжэнцин пригласил всех на следующее утро прогуляться по улицам. Лу Це с улыбкой вежливо отказался: сегодняшний визит в дом Чжанов уже отнял у него больше сил, чем он мог позволить, а крепкое вино, обжигая горло, вызывало ноющую боль в груди.

Чжан Чжэнцин, услышав, что тот не пойдёт, незаметно вздохнул с облегчением.

Проводив гостей, управляющий дома Чжанов приблизился к нему. Старый управляющий был человеком, посвящённым во все дела Чжан Чжэнцина, поэтому между ними не было никаких недомолвок. Почтительно, понизив голос, он спросил:

— Господин, нужно ли продолжать подготовку, о которой говорилось ранее?

Взгляд Чжан Чжэнцина, не соответствовавший его грузной фигуре, был острым и содержал глубокую мрачность.

— Продолжайте готовить, — сказал он. — И выделите ещё людей. Завтра в почтовой станции хорошенько присмотрите за его высочеством князем Вэном.

Старый управляющий не присутствовал в комнате и не знал, что там произошло, поэтому мог лишь сначала согласиться.

По возвращении на почтовую станцию Лу Юй холодным тоном сказал Лу Це:

— Кто разрешил тебе сегодня самовольно задавать такие вопросы?

Лу Це не придал значения его нахмуренному взгляду и ледяному тону, сел в кресло напротив и спокойно произнёс:

— А в чём проблема?

Люди, охранявшие во дворе, были личной охраной, приведённой Лу Юем, и Лу Це не мог им приказывать. К счастью, он и не собирался сидеть здесь и чаёвничать с ним за беседой.

Фу Чэнцы, вошедший на несколько шагов позже, при входе в комнату слегка замедлил шаг. Оба брата одновременно устремили на него взгляды. Фу Чэнцы слегка замялся, затем сел рядом с Лу Це. Этот выбор окончательно разозлил Лу Юя.

Накопившаяся ярость обрушилась на Лу Це:

— Проблема огромна! Сейчас мы только прибыли в Ванду, ситуация ещё не прояснилась — кто позволил тебе действовать на свой страх и риск?

Лу Це усмехнулся, ему уже надоело поддерживать видимость братской гармонии:

— Ваше высочество ошибаетесь. Если ваше высочество не смогли добиться результата в

очевидных вопросах, разве младшему брату не позволительно взять это на себя?

Услышав это, Лу Юй вспомнил, как во время его диалога с Чжан Чжэнцином тот легко заморочил ему голову парой фраз. И как потом тот же самый человек онемел под точными словами Лу Це. Сравнение лишь сильнее распалило его стыд и гнев.

Он резко вскочил, ударив ладонью по коричневой столешнице. Фарфоровые чашки звонко зазвенели. Голос его стал суров и грозен:

— Как ты смеешь, Лу Це! Ты что, хочешь заменить меня?

Лу Це встретил его ярость спокойно, с безмятежным видом ответив в разгар гнева:

— Ваше высочество, не клеветайте на вашего покорного брата. Не говорите опрометчиво то, что не можете доказать.

Лу Юй был загнан в угол, превратившись в подобие Чжан Чжэнцина минувшей ночью: губы шевелились, зрачки сузились, слов не находилось.

Лу Це же почувствовал, что атмосфера стала удушающей и раздражающей, и равнодушно произнёс:

— Уже поздно, ваше высочество, отдохните пораньше. Завтра утром ведь предстоит прогулка по улицам с его превосходительством Чжаном.

Лу Юй был так зол, что не мог вымолвить ни слова.

Успокоив наследного принца, Фу Чэнцы быстро вышел вслед за Лу Це. Глядя на ту беззаботно удаляющуюся спину, Фу Чэнцы слегка нахмурил брови, и в его голосе прозвучал тихий вопрос:

— Что с тобой сегодня вечером?

Последней части фразы — быть таким агрессивным — он не решился договорить, боясь, что тот снова вспылит.

В ночной тишине, под покровом темноты, Лу Це смотрел на него без особой радости и фыркнул:

— Слыхал, что вино придаёт смелости трусам?

Фу Чэнцы не знал, смеяться ему или плакать, протянул руку и провёл пальцем по кончику носа Лу Це, тихо усмехаясь:

— Не дури.

Жест был чрезвычайно амбивалентен и интимен. Лу Це широко раскрыл глаза, но тот уже длинной рукой притянул его к себе. Они были примерно одного роста, и объятия выглядели несколько нелепо.

Вблизи глаза Лу Це казались настолько мягкими, что, казалось, вот-вот прольются влагой. Фу Чэнцы, глядя на него, воспылал желанием, взял его за подбородок и прижался губами к его губам.

Фу Чэнцы одной рукой обхватил его талию, другой придерживал затылок, от нежных

прикосновений языком перейдя к тому, чтобы разомкнуть зубы и углубить поцелуй.

Рука Лу Це лежала на его плече, и он неловко отвечал на поцелуй.

Искусство поцелуя, увлекающее в совместный танец, заставило обоих одновременно ощутить жар во всём теле. Покалывающее, щекочущее ощущение прошло от копчика до самой макушки, пробуждая глубокое томление в теле.

Он не помнил, как они оказались в комнате. Падая на мягкое одеяло, всё происходило само собой, естественно и гладко.

Луна стыдливо спряталась за облака.

* * *

На следующее утро тот, кто днём ранее договорился вместе прогуляться по Ванду, сейчас находился в комнате. Чёрный халат с тёмным узором и пояс подчёркивали мужественную и стройную фигуру мужчины. Свет, лившийся из окна, отбрасывал мелкие тени на письмо в его руках. На прекрасном, не имеющем себе равных лице застыла мрачная холодность.

Казалось, подавленный мрачной яростью господина, доставивший письмо подчинённый низко склонил голову, на лбу выступил пот.

— Командир центральной стражи по императорскому указу размещён в Цзянбэй... —
Остальное он не стал дочитывать. Лицо Фу Чэнцы в боковом свете становилось всё холоднее и суровее.

Вскоре ответное письмо высохло на бумаге, было вложено в конверт и передано курьеру.

Вэй Е, стоявший рядом и растиравший тушь для Фу Чэнцы, не удержался и спросил:

— Со вторым господином что-то случилось?

Фу Чэнцы, услышав вопрос, не поднял головы, а бросил ему на стол только что доставленное письмо.

Вэй Е в спешке развернул письмо. Его взгляд прошёл путь от удивления и сомнения к недоверию, затем к гневу и наконец к презрительному фырканью, полному насмешки.

Во все династии направление чиновников ко двору для гарнизонной службы в различных местах было обычным делом, не вызывающим вопросов. Но с тех пор как старый князь изгнал сюнну за пределы страны, двор больше никогда не направлял чиновников для гарнизона. Земли Цзянбэй всегда находились под управлением князя Цзянбэя, подобно тому, как ранее семья Цзи в Гуаньдуне была непререкаемым авторитетом.

Все знали, что князь Цзянбэй сейчас не в Цзянбэе. И теперь император Чэндэ не только направил туда чиновника, но и выделил для сопровождения тысячу императорских гвардейцев. Пользуясь отсутствием хозяина, это было явной демонстрацией силы и вызовом, чтобы оставшиеся в Цзянбэй люди не смели и пошевелиться.

В тишине снаружи слышался звук хлопанья крыльев чёрного голубя. Вэй Е вышел вперёд, ловко поймал птицу, снял с её лапки маленький свиток, и принёс послание в комнату.

Вэй Е подал предмет двумя руками:

— Вести от Пэй Шо.

[Спасибо за прочтение]

Лу Дуй-дуй в строю.

<http://bllate.org/book/15603/1392985>